Когда он увидел себя, мешающего Седрику схватить кубок, он понял, что это не тот тип путешествия во времени, которым управляют Поворотники времени.

Потому что он не помнил этих изменений, а Гарри видел его, но этот мир продолжал вращаться, даже если его собственный был не более чем воспоминанием.

Он также знал, что чувствовал, когда Андромеда убила себя, чтобы привести в действие это проклятие, эту древнюю архаичную магию, на поиски которой можно было потратить всю жизнь и так и не найти ответа, он чувствовал, как будущее разрывается, как чернота поглощает всё.

Будущего, в которое Харрис мог бы вернуться, не было, и, скорее всего, не было способа обратить все вспять, и, несмотря на себя, Харрис не смог бы позволить миру развиваться так, как он развивался, если бы мог остановить его.

Если бы можно было вернуться назад, если бы можно было спасти Сириуса и встретиться с Волдемортом во взрослом возрасте, сражаться в войне, как сейчас, - стал бы он это делать?

Харрис никогда не понимал, да и не нужно было понимать, что чувство отсутствия ненависти было сильнее, чем там, где когда-то была любовь.

Он не ненавидел свою бывшую жену, даже после всего того дерьма, что она сделала с ним и детьми, но сейчас?

Харрис поднял из ванны хромающее тело Беллатрисы, все еще больше похожее на скелет, чем на женщину, и почувствовал настоящую ненависть.

Не к женщине, которая, как ни странно, была более терпелива, чем человек, а к женщине, которой он отдал свое сердце и жизнь.

Он ненавидел Андромеду Тонкс, ненавидел то, что она сделала с ним, и ненавидел то, что, несмотря на предательство, он все еще оплакивал ее смерть, смерть той жизни, которую они разделили вместе.

Годы, в течение которых они старели друг с другом, наблюдали за тем, как растут их внуки и, возможно, правнуки, которые теперь потеряны для этюда.

Он положил Беллу на кровать, взмахнул палочкой, высушил ее и одел в мягкую хлопковую ночную рубашку.

Он пообещал себе, что даст Белле шанс, что отбросит свои прошлые кошмары о ней, чтобы дать ей этот шанс.

Кроме того, Волдеморт и Андромеда зарезервировали места для его презрения.

Несмотря на то, что он все еще любил ее, и всегда будет любить.

Он надеялся, что с Андромедой в этом мире все будет хорошо, надеялся, что Тед и Нимфадора проживут долгую и счастливую жизнь, что эта Андромеда будет несокрушима и счастлива.

Харрис также надеялся, что никогда больше не встретит ее.

oOo

Гарри сожалел о том, что лето закончилось, однако он никогда не возлагал таких больших надежд на учебный год.

Этот год должен был стать лучше, чем все предыдущие. Впервые Сириус появился на публике, чтобы привести Гарри на вокзал. Большинство людей проводили их взглядами, но Гарри было все равно.

Кто-то был с ним на платформе.

На самом деле Ремус тоже был здесь, вместе с Кингсли Шеклболтом, охранником, который следил за тем, чтобы на платформе ничего не случилось.

Гарри метался между радостным предвкушением нового года и тоской по Гриммоулд Плейс, которую Сириус, Ремус и он сами постарались заново украсить. К ужасу Кикимера, это место было очень привлекательным.

Хотя старый домовой эльф выглядел гораздо счастливее с тех пор, как мистер Блэк поговорил с ним.

Гарри и Сириус стали называть его так, потому что было странно произносить имя, так похожее на его имя, когда человек уже выглядел как он, а Сириус - потому что, по его словам, его отец был бы не рад, если бы старший сын занял его место, раз уж он так старался его скрыть.

Гарри не мог представить, какой была жизнь этого человека, ведь ему даже не разрешили учиться в Хогвартсе.

"Попадешь в кучу неприятностей", - сказал ему Сириус, когда они подошли к поезду.

Ремус закатил глаза: "Постарайся учиться в этом году, Гарри, у тебя скоро OWL, и чем лучше

ты справишься, тем больше возможностей у тебя будет в будущем".

Гарри нахмурился: "Я даже не знаю, чем хочу заниматься".

Кингсли улыбнулся ему: "Ты всегда можешь стать аврором".

"Или стать звездой квиддича!" восторгался Сириус.

Ремус покачал головой: "Тебе не нужно решать сейчас, начни с малого, подумай, какие профессии тебе нравятся, и какие области охватывают больше всего этих профессий. Тогда тебе не придется решать, кем ты хочешь стать".

Лицо Сириуса погрустнело, и он положил руку ему на плечо: "Я последний человек, который должен говорить о размахивании семейным наследием. Но помни, Гарри, мы вполне обеспечены, кем бы ты ни хотел стать, не думай о том, какую зарплату ты сможешь или не сможешь получать. Выбери то, чем ты увлечен, подумай о том, что сделает тебя счастливым. И если в будущем вы захотите сменить профессию, еще не будет слишком поздно. Не бойся, мечтай".

Гарри обнял его, его сердце заколотилось: "Я люблю тебя, Сириус".

Сириус крепко обнял его в ответ: "Я тоже, Гарри, я тоже".

Когда они расставались, холодный голос обратился к Сириусу: "Кузен".

Сириус повернулся к царственной миссис Малфой с преувеличенным удивлением: "Кузина?" Он сделал вид, что оглядывается по сторонам. "О! - воскликнул он, - ты говоришь со мной? Скажи мне, Цисса, когда ты в последний раз объявляла меня своим родственником?"

Гарри наблюдал, как глаза миссис Малфой мерцают, словно она поймала себя на том, что закатывает глаза. "Я видел ваш суд, приятно видеть, что вы претендуете на собственное имя. Похоже, я не единственный, кто собирается отпереть двери".

Выражение лица Сириуса исказилось: "Они проголосовали за меня из-за Харриса, а не потому, что кто-то хочет видеть меня в родословной. Я удивлен, что ты готова принять в семью незаконнорожденного ребенка".

Миссис Малфой весело подняла бровь: "Наши матери были злыми, и я не виню дядю Ориона за то, что он прятал ребенка от неизбежного гнева этой женщины".

Сириус вздрогнул, но сузил глаза: "Я никогда не слышал, чтобы ты плохо о них отзывался".

"Мы не разговаривали с детства, Сири. Теперь мы взрослые, и война закончилась".

"Правда?" спросил Сириус.

Я предлагаю тебе оливковую ветвь, ты, сопляк. Мы не должны быть врагами".

"А что думает об этом дорогая Люси?" спросил Сириус.

Гарри, Ремус и Кингсли наблюдали за этой дискуссией, как за теннисным матчем.

Гарри вздрогнул от арктического выражения на лице миссис Малфой: "Мой муж не владеет мной".

У Гарри сложилось впечатление, что у мистера Малфоя и миссис Малфой не было хорошего лета.

Но он полагал, что и у него бы не сложилось, если бы ему пришлось развлекать Волдеморта.

К ним присоединился Драко: "Мама, я...

"Драко, будь добр к своему кузену в этом году".

Драко растерянно посмотрел на нее, затем огляделся вокруг, заметил их и всех остальных и уставился на Гарри: "Мама, ты не можешь быть..."

Миссис Малфой положила изящную руку на плечо сына, и Драко проглотил вскрик, а его собственное выражение лица стало ледяным: "Ладно, Поттер, пойдем".

Гарри не двинулся с места: "Мы не кузены".

Сириус похлопал Гарри по спине: "Ты новый наследник Дома Блэк, и в этом году у тебя будет много "кузенов". Не стесняйся их отшивать, я так и сделал".

"Из-за чего его отправили в Азкабан без суда и следствия, потому что он был Блэком только по имени", - сказала миссис Малфой, - "Я советую вам, мистер Поттер, если не дружить, то научиться поддерживать дружеские отношения с другими чистокровными домами, и в будущем перед вами откроется больше дверей".

"Она не ошибается, - посоветовал Кингсли, - вы даже можете быть добры к людям, с философией которых вы не согласны".

Гарри уставился на высокого импозантного мужчину, который только что посоветовал ему быть добрым к детям Пожирателей смерти.

Сириус взъерошил его волосы: "Ты поймешь это, малыш, просто будь самим собой".

Драко позволил матери поцеловать его в щеку, а затем пожелал ей прощания и снова сказал: "Пойдем, Поттер, нам нужно идти".

Свисток поезда подчеркнул его мысль.

Гарри обнял сначала Ремуса, затем Сириуса, после чего последовал за Драко Малфоем в поезд.

Гарри помахал из окна зала, когда поезд отправился в путь, а Сириус безумно махал ему, пока поезд не скрылся из виду.

"Ты закончил?" едко спросил Драко.

"Ты ведь не собираешься быть со мной милым, правда?" спросил Гарри.

http://tl.rulate.ru/book/103415/3599284